

АЛИК ГАСАНОВ

Потрясающая история

СБОРНИК РАССКАЗОВ № 6

Алик Гасанов

Потрясающая история.

Сборник рассказов № 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23465994
ISBN 9785448394379

Аннотация

В данной серии сборников – вы найдёте короткие рассказы о жизни, про жизнь и за жизнь. Не выдуманные истории, юмор, реализм.

Содержание

Самоволка	5
Татарки	10
Отец	15
Ангрибёрц	18
Земляки	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Потрясающая история Сборник рассказов № 6

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9437-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самоволка

Ох, и дров наломано... С возрастом мы становимся придирчивыми к своей памяти. Каждый наступивший день мы считаем кульминацией своего развития, совершенно справедливо отмечая, что буквально на днях мы были менее разумны и рассудительны.

...Девушка лет семнадцати в метро щебечет своей подруге, рассказывая очередной занимательный случай:

*– Помню, вляпалась я в историю один раз... Расскажу – не поверишь. Обхохочешься!.. Я тогда ещё молодая была... Да-да... Где-то **полгода назад**, наверное...*

...А с Андрюхой Борисенко мы как-то смылись в очередную самоволку.

На кой чёрт нас вечно тянуло в эти самоволки, ума не приложу?.. Предприятие это, скажу я вам, милые мои, во-первых, рискованное, потому как обычно заканчивались они неприятностью. А во-вторых, как говорится, овчинка совершенно не стоила выделки. На ночь глядя, когда все нормальные наши сослуживцы готовились ко сну, мы, считая себя в чём-то избранниками, баловнями судьбы, словно коты рвались в темень, искусно минуя посты и заборы, тряслись в сонных электричках, опасаясь патруля, проводя в дороге (чаще всего пеше, и через ночной лес!) по несколько часов!

А под утро, скача с высунутыми языками в обратном направлении, грязные, уставшие и продрогшие, мы возвращались в часть, и трепались на каждом углу под завистливые взгляды прыщавых своих сотоварищей о массе якобы оприходованных нами женщин и выпитого якобы при этом спиртного...

Улизнуть незамеченным, заручившись обещанием сержанта, который вас «отмажет» на проверке – это пол-дела, Танюш!.. Основной трудностью было не попасться в городе, а ещё труднее действительно не «нахрюкаться» до чёртиков и не испортить всё, что и случалось обычно неминуемо.

Сколько я видел уже таких вот... Самовольщиков, ядрёный батон!.. Вечером он, выбрившись до-сини, наодеколоненный, неотразимый и брутальный, насвистывает перед зеркалом ламбаду, предвкушая все прелести пикантных свиданий, а уже по утру его выводят под конвоем перед строем, жалкого и страдающего от похмелья, грязного, без пилотки и ремня (потерял!), и старшина сурово читает солдатам лекцию на тему «До чего же можно докатиться!..», и бедолага получает свои «пять суток», и уводят его в «шизо», как на заключение, под немые и восторженные взгляды сослуживцев.

Сколько дров наломано... Сколько пилоток потеряно...

...Поездка в электричке – самая опасная часть предприятия.

Это я говорю вам на будущее. Имейте ввиду, если что. Не мудрено, если вы солдат-срочник, эдакий девятнадцати-

летний дуралей, ослеплённый жаждой приключений, и одетый в чей-то плащ поверх формы, привлечь к себе нездоровое внимание ментов, а ещё хуже – войскового патруля. Представьте себя: пьяного, в кирзовых сапогах и болоневой куртке с надписью «Ну, погоди!», и вам тут же сразу станет ясно, что это и действительно не мудрено...

...Езды от Москвы до Коломенского Голутвина больше часа. Ночью холодно. Злые и голодные, мы тревожно дремлем на ледяных лавочках, ревниво поглядывая в проходы, когда в полупустую электричку шумно входят около тридцати женщин. Потрясающий колорит... Молодухи и старухи, рыжие, седые, конопатые и напудренные, не покрашенные, и с наклеенными ресницами, молчащие и хохочущие... Любого сорта, короче. Ткачихи со смены. С фабрики. Ехать им далеко. Так «ездиют» они каждый день и, с чисто женской предприимчивостью, каждая тут же обустраивается, как может. Некоторые принимают читать, кто-то пытается уснуть. Но есть и пара дружных кампаний, садящихся шумным кружком, вытаскивающих термосы, баночки с едой, организовывающих «дастарханчик». Вон даже бутылку водки одна пышная дама выудила из косметички под одобрительный гул подружек.

... – Ну, ты, Галя, никогда не пропустишь случая!, – смеётся её соседка напротив, хищно тасуя колоду карт.

– А ты чего думала?..., – полная и большая Галя в кампании у них заводила, не иначе. Говорит громко и для всех

сразу, – Я женщина свободная и скучать мне нечего!..

Все смеются незамысловатым бабьим шуткам, каждая старается тут же ответить, колко, с подковыркой, но беззлобно, так..., словно частушки поют.

Мы с Андрюхой усмехались укладкой, слушая женскую болтовню, не забывая про проходы, а женщины через десять минут разошлись ни на шутку. Кто-то уличил кого-то в картёжном жульничестве и бурные визгливые разбирательства сменило шумное примирение и все опять налили и чокнулись «за мир», и отложили игру вод всеобщее согласие «да ну их на фиг!». Тут же, выпив, словно по сигналу, как-то затихли, стали кутаться, пытаюсь согреться, удобнее притуляясь друг к дружке. Ещё далеко им ехать-то... Успеют доиграть.

...Тут пышная Галя встала, показав прекрасный рост и, сладко потянув мощный торс и гигантскую грудь, раскинула полные руки в стороны, потягиваясь по-кошачьи и зевая:

– Ой, девчонки!... Мужика бы щас!..., – мечтательно вздохнула огромная красавица и через плечо увидела нас с Андрюхой...

...Тот момент я вспоминал потом долгие годы с недоумением.

Колоссальных размеров женщина, подвыпившая и воинственно настроенная, она остановила на нас взгляд, оценивая наши преимущества на правах потенциального победителя. Мы с другом замерли, невольно поджав ноги, и претво-

рились чьими-то сумками. Бог его знает, чего от неё ожидать!.. Захмелевший скучающий атаман в окружении верных своих дружков, не отводя взгляда цыкнул зубом, словно сытый кот над дохлой мышью, и в его глазах я, подсматривая сквозь фальшивый прищур «спящего», увидел искорку плотоядного интереса. Совершенно не смешная ситуация, уверяю вас!.. Мы – два костлявых беспомощных юнца, волею рокового случая оказавшиеся в злачном месте, боясь пискнуть, чтобы ни выдать своего присутствия, проехали свою остановку не шелохнувшись, а потом молча «проснулись», и во всеобщем молчании осто-о-орожененько прошли мимо компании к выходу, аккуратно перешагивая сумки, чтобы не дай Бог не коснуться чьих-либо вещей. Возле спасительного выхода в спину нам ещё раз цыкнули, и это послужило нам стартовым выстрелом, и мы ускорили шаг, выбегая на перрон, облегчённо вдыхая свежий воздух спасительного перрона. Повторяю, совершенно не смешная ситуация, граждане!.. Теперь я совершенно отчётливо понимаю ужас пекинеса, которого проводят на поводке мимо клетки с тигром.

...Нервно хихикнув, как только электричка отъехала, мы с Андрюхой пошли через лес, невольно пытаюсь взяться за руки в темноте, и, не сговариваясь, о данном инциденте потом деликатно помалкивали...

А вы говорите!..

Татарки

*...Сохраню образ честного мужа прилежно.
Хоть криви, хоть выравнивай, вывод знаком; Дефицит
бесерменского бисера нежного
Не востребован русским скупым мужиком.*

*Губы вишнею солнцем горячею спелою.
Под косыночкой тугим караваем коса.
Взгляд смешливый пуглив кобылицею смелою,
И полынью степной полыньёю глаза.
Как же родинка эта на щёчке мне нравится!
Так татарской изюминкой одобрена Русь.*

*А для ножки – сто тысяч московских красавиц
Не сгодятся в подмётки, я жизнью клянусь. Лишь
смотреть на тебя и вздыхать, только каяться.*

*Не посмею коснуться, любви не тая.
Почему не моя ты, моя раскрасавица?
Почему не моя ты, моя Румия?..*

...Эти стихи были написаны мною давно, ещё когда я был всего лишь великим поэтом современности.

Создатель одарил меня великим даром видеть красоту Женщины. И о женщинах можно писать бесконечно. Каждая

из вас достойна кисти художника и пера литератора. Сравнить, оценивать женщин – дело бесполезное и неблагодарное, я считаю. Только созерцать и наслаждаться видимым. Да и вообще, что такое – женская красота? Есть откровенные толстушки, от которых глаз невозможно оторвать. А бывает хрупкая тростиночка, которую хочется бережно поднять на руки и укрыть от ветра и дождя. Какие могут быть стандарты или каноны? Сколько женщин, столько и стандартов. Если, конечно, это – Женщина.

Татарки – тема обширная и тонкая.

«У кого жена татарка, тому бесплатно талоны на молоко нужно давать!», – ржали мужики в курилке, а я, в свои 17 лет, не понимал, что это значит.

Да. Если в разговоре кто-то рассказывает о татарской женщине, он обязательно многозначительно подметит – «татарка!», и это все сразу смекнут. Мол, «а-а-а... понятно...» Согласитесь, глупо звучать будет, если я расскажу вам о какой-нибудь татарке, и не предупрежу вас об этом. Татарка – это статус. Масть. Разумное предупреждение. Осторожней! Это вам ни хухры-мухры...

Да-да, вы абсолютно правы – женщины каждой нации своеобразны и интересны по-своему, и мне, специалисту со стажем, весьма лестно ваше внимание в этом вопросе.

Да, национальная принадлежность придаёт красавице определённый шарм и обязывает к своеобразной, только этой нации присущей стервозности.

Есть, конечно, исключительные случаи, где дамы попирают условность, со свойственной женщине тяге к непокорности, нарушают установленный порядок. Я, например, недавно видел чеченку в шортах. Это неправдоподобно звучит, но поверьте уж мне на слово.

Так и татарки. Кто они? Итак, татарки.

...Ареал обитания татарских женщин очень обширен, хотя и это ими не афишируется.

Очень похоже на домашних кошек. Вы будете потрясены, к примеру, если узнаете сколько в вашем многоквартирном доме кошек. Не имея и малейшего понятия, вы спокойно проживаете в своём подъезде, даже не подозревая, что буквально в каждой квартире есть кошка.

Так и татарские женщины. Они никогда не заявляют о своём присутствии без надобности, вместе с тем полностью владея территорией в своём распоряжении. Они ведут хозяйство, воспитывают детей, ходят друг к другу в гости, а вы этого даже не замечаете. Именно татарки ведут себя так. И если вы наивно полагаете, что у вас живёт кошка, вы глубоко заблуждаетесь. Это она позволяет вам жить рядом с ней. Так и татарки.

Татарских женщин выгодно отличает завидное упрямство.

Моя супруга, например, совершенно непонятным для меня образом в короткий срок поставила у нас в семье всё так, что у меня и мысли не возникнет что-то предпринять,

не согласовав с нею. Прочно встав на позицию «мы», она совершенно спокойно принимает все решения самостоятельно, называя это «мы решили, мы так хотели», и мне остаётся только признать свершившийся факт, хотя в большинстве случаев я даже не подозреваю, что принимаю участие в согласованиях.

... – А мы решили Новый год отмечать дома, тихо, по-семейному, – щебечет она по-телефону очередным знакомым, которые намекали на совместное застолье, и я чуть поднимаю брови, и не успеваю сказать «э-э», как мне затыкают рот точёным мизинчиком, и строго шепчут «да! Мы так решили!», и моё «э-э» само собой растворяется где-то у неё в рыжих кудрях за левым ушком...

Примерно так всё и происходит. Она просто не даёт мне шансов протестовать по всем правилам.

Изнурённый работой, я скорбно влачу свои мощи вечером домой, с трудом попадая дрожащим ключом в замочную скважину, как передо мною открывается дверь, и жена в пеньюаре и серьгах звонко целует меня, опьяняя ароматом груди:

– Хороший мой! Давай сумку!

И я, словно под гипнозом, получаю в руки пакет с мусором, список, и строгое указание:

– Только по списку покупай. Пива выпьешь – я тебя урою.

И я бодро шагаю назад, выбрасываю мусор, и шурую в магазин, еле сдерживая смех, потому что понимаю, что я олух

царя небесного. И через пять минут жена, вооружённая пылесосом, строго проверяет, не нарушил ли я её список, нюхает, насчитывает пива, звонко целует, и выгоняет на кухню, что бы я не мешал «... пятнадцать минут! Пока я не допылесою... пылесосу... Тфу, блин!.. Короче, пока не позову!"... И я разбираю пакеты, усмехаясь, а перед глазами её плечико с упавшей бретелькой...

Такие вот татарки.

Она просто бежит впереди меня, периодически дёргая за поводок, чтобы я не отставал, а всем треплется на каждом углу, что я её хозяин!

Отец

Мне ещё не было семи лет, когда с отцом мы ушли куда-то «по делам». Прогулки с отцом «по делам» – это ни то, что с мамой. С мамой всё понятно, ещё дома, шнуруя мне ботинки, мама подробно объясняла, куда мы идём и что нам предстоит:

– К тётке Зое кофту занесём, рукава надо подбить, сметану надо взять на оливье, вечером гости придут, твои анализы заберём...

Мама всё время тихо щебечет, а я смотрю, как она быстро и бесшумно скачет по квартире, смешно пугаясь сущим пустькам. Например, она неожиданно замирает с туфлей в руке и открытым ртом: «Ох... И хлеб же нужен! Вот я тетеря...» А на лице такой ужас, будто Гитлер вошёл.

С отцом всегда интереснее, потому что всегда неожиданно. Мы выходим из подъезда и он кричит кому-то:

– Лёха! Здоров! Ты в гараж?

И мы здороваемся с дядей Лёшей и я первый раз в жизни еду в кабине грузовика (!!!) с отцом и дядей Лёшей и отец с дядей Лёшей делово обсуждают какой-то «долбанный карбюратор».

Потом у меня замирает сердце, потому что мы въезжаем в тёмный огромный гараж и отец убегает в темноту включить свет и я слышу эхо его шагов и щёлканье выключателей.

Потом я таращу глаза, потому что отец неожиданно появляется переодетый в грязную спецовку и целый час лежит на спине под автобусом, а я с руками в карманах прохаживаюсь по гаражу, и пахнет бензином, а вокруг стучат, говорят из тёмных углов, кто-то ругает мать какого-то Петровича, а незнакомые дядьки спокойно здороваются со мной за руку, причём обычно дают пожать запястье, потому что ладони и даже лица у всех вымазаны чем-то серым и блестящим. Хотя и запястья по локоть у них тоже грязные.

С отцом всегда всё неожиданно. Вот он выползает на свет божий, грязный как чёрт, особенно лицо:

– Ну всё, Гасанов, хорош, (меня с детства так называют в семье, даже мама), пошли обедать! (и шёпотом, быстро наклонившись ко мне) Ты писать не хочешь?

...Я, твёрдо уверенный, что мы поедем домой, жду отца возле душа. Мимо меня спокойно проходит толстый и розовый голый дядька с полотенцем на бёдрах, бормоча под нос: «... а любовь як сон стороной прайшла...» Потом мы поднимаемся на четвёртый этаж здания в столовую! Тут так шумно и много народу, что я сначала опешиваю. Отец подсаживает меня к кому-то за столик и убегает в толпу (он всё время бежит). А я сижу с тремя огромными мужиками, которые чавкают и сёрбают, и отвечаю на ихние вопросы; сколько мне лет и когда мне в школу, и каждый говорит, что я молодец.

Потом я ем кислый борщ. Нет, это совсем ни мамин. Но ничего, вкусно. Да ещё из железной тарелки! А ложка

вроди железная, а лёгкая... А под конец я получаю полстакана сметаны. Первый раз вижу сметану в гранёном стакане.

...Мы с отцом уже сходили к дяде с диковинным именем «Моторист» в самый дальний угол огромного здания и собирались выходить за ворота, когда отец вдруг замер на месте, грубо остановив меня всей огромной пятернёй в грудь. Я недоуменно посмотрел на отца. Щурясь, словно от мозоли, отец несколько раз цокнул языком с сожалением и, развернув меня на 180 градусов, сказал неожиданно строго: «Стой так! Я сейчас.» И побежал в сторону. Я послушно встал, косясь на отца, который уже возвращался обратно бегом с большим кирпичом в руках. Удивлённый, я повернулся и посмотрел, что он там увидел.

...В нескольких метрах вдоль бордюра по направлению к нам на передних лапках полз котёнок. Задняя его часть, видимо раздавленная машиной, волочилась кровавой тряпчочкой, собирая песок на длинные лоскуты мокрых кишок. Беззвучно и судорожно раскрывая рот, огромными от ужаса и боли глазами котёнок смотрел на меня, когда отец подбежал к нему, и с силой прибил к земле огромным камнем, полностью накрыв...

...Я долго не мог простить отца и не любил его после этого.

Лишь спустя много лет я всё понял.

Ангрибёрц

Всё чаще возвращаюсь за полночь домой...

Хлеб больше по привычке покупаю.

Усталость молча тащится за мной.

Не раскрывая рта, перед витринами, зеваю.

Мой Бог, опять стихи я сочиняю...

Эта проклятая склонность уже не раздражает, но заставляет вздыхать всё время... Главное – не декламировать вслух. Людей это пугает. Девушке-кассиру на невинный вопрос: «Вам пакет нужен?», в прошлый раз я ответил неожиданно: «Нет-нет, красавица... Нет-нет... Совсем не нужен мне пакет...» Неприязненно подняла брови, подумала, что пьяный, наверное. В магазине звенящая тишина. Ох уж эта мне «звенящая» тишина... В каждом рассказе моём она непременно... До закрытия минуты три. Пусто. Холодильники гудят сонно. Возле кассы четверо столпились. Три парня, девушка с ребёнком. По уровню громкости понимаю – наши. Я их называю «ребята нашего двора». Помните, Рас-торгуев поёт? Вот-вот... Это они. Недавно был случайным свидетелем разговора такой компании. Возле лавочки собралось человек десять. Как они собираются в таких количествах? Мне, чтобы десять человек собрать, надо полчаса обзванивать, уговаривать, и то, если троих-четверых уболтаю немедленно приехать, то хорошо. А тут – с утра до вечера

такой коллектив собирается запросто... Сижу в десяти метрах, ветошью прикидываюсь, слушаю, что же объединяет сие сообщество? Буквально слышу:

...Двое сидят на лавочке, трое стоят по краям, двое сидят «на кортах», один чуть поодаль по телефону беседует так, что слышно и соседнему двору. Один, тот что на лавочке, десять минут уже доказывает тому, что «на кортах»:

– Ты ваще не помнишь, Дэн! Ваще! Люська подошла с Максом, когда Колян уже был!.. А потом Натаха пришла! Ты чё гонишь?!..

Тот, что на кортах, разводит ладони в стороны, словно показывает размер шуки, и перекрикивает:

– Не гони, Вэл! Натаха пришла, когда Ксюха Люське звонила!.. А Макс уже был здесь!.. Ты чё, забыл?

Вэл, задыхаясь от непонимания, вскакивает, подбегая, словно хочет пробить пенальти:

– Ты чё пургу гонишь, Дэн! Натаха пришла потом! Макс уже с Люськой подошли, а Натаха ещё Ксюхе говорит: «Чё-то Люськи нет с Максом!», а потом смотрит – Макс стоит, и Макс ещё говорит Люське: «Ты чё, овца, меня в упор не видишь уже?...»..

– Да ни гони, Вэл!, – вскакивает Дэн, но Вэл его хватает нежно за плечи и перекрикивает, крича в лицо:

– Ты вспомни, Дэн! Чё ты гонишь?! Люська ещё такая говорит: " Чё-то Макса нету!» А Натаха...

– Ты гонишь, Вэл! Натаха...

– ... А Натаха говорит...

– ... Не гони, Вэл! Натаха...

– ... А Натаха ещё даже не подошла!. Дэн!.. Ты чё?..

...Это продолжается ещё минут сорок. Я неприязненно замечаю вдруг, что всё это время, я, не моргая, сосредоточенно смотрю под ноги, сидя на лавочке, и в голове дьявольской каруселью играет; «Ха-ра-шо! Всё будет хорошо! Всё будет хорошо, я это знаю – знаю...»

Счастливые люди...

...В магазине тишина. До закрытия минуты три. Пусто. Холодильники гудят сонно. Возле кассы четверо. Три парня, девушка с ребёнком. По уровню громкости понимаю – наши. Возле таких парней обычно именно такие девушки бывают... Четыре баклажки дешевого пива. Каждая по 2,5 литра. Оживление такое, словно квартиру покупают. Ни намёка на «закусь». Ребёнок, сонная девочка лет четырёх, тихонько кланчит, ковыряя грязным пальчиком витрину:

– Ангрибё-орц хочу... Мама, я ангрибё-орц хочу...

Мама мечется среди парней, успевая ответить деловым шепотом каждому:

– Да, сейчас Ксюха звонила, говорит, потом разведёт, ей тоже надо... Угу, да. Потом разведёт... Отвечаю!..

Кассирша, поджав губы, пересчитывает мелочь – всё копейка в копейку. Выдаёт чек.

Проходя на выход с драгоценной ношей, девушка слышит, наконец, ребёнка, одёргивает дочь за руку:

– Настя! Пошли! Я же говорю: «Мама денежку не взяла на «ангибёрц»! Пошли уже!.. Доча!.. Ну, чего ты?.. Не тормози!..

Компания вальяжно выходит, закуривая всем коллективом прямо перед дверью.

Мы с кассиршей понимающе переглядываемся...

«Ха-ра-шо!.. Всё будет ха-ра-шо!..»...

Земляки

...Утром прохладно, хорошо.

Лес, проснувшись, закипает неспешно, солнышко поднимается из-за сосен, ласково выглядывает сквозь пушистые кроны.

Серёгина смена ещё почти час, и смена.

Возле палаток сыро. Ноги мокрые. Сменят скоро, отоспится с утра до обеда, если конечно опять командир не даст команду «выдвигаться».

Разговаривать «не положено», а как тут не поговорить?

– Чё, сильно зацепило?, – Серёга понимающе хмурится, глядя как Витёк мучительно морщится, разминая обмотанную прелым тряпьем шею.

– Да не... Так себе..., – тянет тот неопределённо, медленно поднимая плечо, осторожно поворачивая руку.

Серёге Витка жалко. Ещё бы! Ночь сырая, прохладная. Спать Витьку пришлось прямо в яме, на груде тряпок. Еле сдерживая дрожь, он трясётся по-собачьи, тяжело дышит носом.

Серёга оглядывается, рядом никого. Подходит к краю:

– Давно ты тут?

Тот молчит, мелко и горестно кивая. Боль в плече отдаёт в спину, ломает поясницу. Силась хоть как-то согреться, он дышит на руки.

Серёга садится на край:

– Покажи, чё у тебя там?

Витёк смотрит исподлобья недобро, бурчит, сопя, отворачиваясь:

– Прилипла, не видишь?

Но Серёга опять пристаёт. Закинув автомат за спину, спускается, аккуратно и брезгливо тянет руку:

– Не бойся. Дай ка... Нук-нук!..., – слегка оттянув коричневую от крови тряпку, он заглядывает внутрь, успокаивая парня, как ребёнка, – Тих-тих-тих... Нук... Я потихоньку...

Витёк морщится, мучительно отворачивается, подставляя шею, шепча мучительно:

– Тиш-ты!... Ы-ымм... М-м-м...

Заглянув под прелое месиво повязки, Серёга тихо цокает языком, легко присвистнув:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.